В поселке Ванино Хабаровского края установлена мемориальная доска Герою Советского Союза офицеру-подводнику Александру Маринеско, отбывавшему заключение в здешнем исправительно-трудовом лагере в 1949–1951 годах.

Как оказался за колючей проволокой командир подводной лодки, которая с неизменным успехом атаковала транспорты противника, в том числе «Вильгельм Густлофф», слывший любимым лайнером фюрера?..

После увольнения с Балтийского флота в ноябре 1945 года ему, пришедшему на воинскую службу задолго до войны, непросто было найти свое место на гражданке. В 1949 году Александра Ивановича приняли в Ленинградский НИИ переливания крови заместителем директора по хозяйственной части.

Мирная жизнь боевого офицера не задалась. Он снял погоны, но по-прежнему ничего и никого не боялся. Директор института Викентий Кухарчик, который был озабочен постройкой персональной дачи, принципиального зама считал помехой. И подвел его под статью: вначале позволил развезти по домам сотрудников торфяное топливо, лежавшее в институтском дворе, а потом заявил в милицию о краже. В зале суда прокурор, убедившись в преднамеренном подвохе, отказался от обвинения. Однако позицию государственного обвинителя судья проигнорировала: Маринеско был приговорен к трем годам лишения свободы.

При столь незначительных сроках далеко не отправляют, однако с бывшим командиром подлодки «С-13», которая после потопления самого крупного по тоннажу неприятельского судна была удостоена ордена Красного Знамени, поступили наоборот. Писатель-маринист Александр Крон спустя много лет записал рассказ Маринеско о том, что было после суда.

«Повезли нас на Дальний Восток. Ехали долго. Староста вагона — бывший полицай-каратель родом из Петергофа; здоровый мужик, зверь, похвалявшийся своими подвигами, настоящий эсэсовец. Вокруг него собрались матерые бандюги. Раздача пищи в их руках. Кормили один раз в день, бандюгам две миски погуще, остальным полмиски пожиже.

Чую — не доедем. Стал присматриваться к людям — не все же гады. Вижу: в основном болото, но всегда на стороне сильного. Потихоньку подо-

брал группу хороших ребят, все бывшие матросы. Один особенно хорош — двадцатитрехлетний силач, водолаз, получил срок за кражу банки консервов: очень хотел есть и не утерпел, взял при погрузке продуктов на судно. Сговорились бунтовать.

При очередной раздаче водолаз надел на голову старосте миску с горячей баландой. Началась драка. Сознаюсь вам: я бил ногами по ребрам и был счастлив.

Явилась охрана. Угрожая оружием, прекратили побоище. Мы потребовали начальника состава. Явился начальник, смекнул, что бунт не против охраны, никто бежать не собирается, рассудил толково: назначил старостой нашего водолаза. Картина враз переменилась. Бандюги притихли, болото переметнулось в нашу сторону. Раздачу пищи мы взяли под контроль, всех оделяли поровну, прижимали только бандюг, и они молчали.

В порту Ванино уголовных с большими сроками стали грузить на Колыму, нас оставили…»

По свидетельству Альвины Шашкиной, автора книги «Ванинская пересылка», в 1949 году на территории сегодняшнего райцентра было три зоны. Пересылка стремительно пополнялась заключенными после открытия навигации в мае. Их выгружали из вагонов и под охраной вели на взгорье, где теперь здание администрации района и примыкающий к нему частный сектор. Тогда это место называлось Куликовым полем: сюда приводили прибывших, здесь проверяли документы, отсюда направляли в санпропускник и баню. После чего начиналось распределение по зонам, причем отдельно шли бандеровцы и власовцы, воры и «суки», хотя к ним добавляли и политических. Суками называли бывших воров, изменивших так называемому воровскому закону. Еще были «красные шапочки» — оказавшиеся в заключении прокурорские, милицейские, судейские чины.

Есть сведения, что в навигацию, которая длилась с мая по сентябрь, количество осужденных, доставленных в Ванино по железной дороге для отправки пароходами на Колыму, доходило до двухсот тысяч. В это трудно поверить, ведь в теперешнем райцентре, застроенном большей частью пятиэтажками, проживает шестнадцать тысяч человек. Где размещалась масса подневольного народа? Чем его кормили?

Анна Денисова, в 1949 году работавшая в санитарном отделе транзита, вспоминала: «Заключенных содержали в ужасных условиях. В бараках — трехэтажные нары, работали много, а ели мало…» Валерий Янковский, автор публицистической книги, так описывал Ванино конца сороковых годов: «Странный городок на холме на берегу Татарского пролива, обнесенный высоким деревянным частоколом, наподобие старинного острога. Только, разумеется, с колючей проволокой поверх частокола…» Янковскому пришлось работать гробовщиком, и самым легким, по его признанию, был день, когда из горбыля было сколочено тринадцать ящиков.

А вот что рассказывал о первых днях пребывания в Ванино Александр Маринеско.

«*В тюрьме многоэтажные нары, верхние полки на пятиметровой высоте. Теснота, грязь, картежная игра, воровство. «Законники» жестоко правят, но с ними еще легко. «Суки» хуже — никаких принципов. Хозяин камеры «пахан» — старый вор, тюрьма для него и дом, и вотчина. Но к нам, морякам, благоволил. Однажды я пожаловался ему: украли книгу — подарок жены. «Пахан» говорит:*

даю мое железное слово, через десять минут твоя книга будет у тебя. Но молодой карманник, тот, кто украл, вернуть книгу уже не мог. Он ее разрезал, чтоб сделать из нее игральные карты. «Пахан» не смог сдержать слово и взбесился. По его приказу четверо урок взяли мальчишку за руки и за ноги, раскачали и несколько раз ударили оземь. Страже потом сказали: упал с нар. На меня этот случай произвел ужасное впечатление, до сих пор чувствую свою косвенную вину в смерти мальчика».

КРЫЛОВ, ЛУНЕВ И ОСТАЛЬНЫЕ

Рабочий лагерь размещался там, где сейчас железнодорожный вокзал и управление порта. Каждый день до пятисот заключенных работали на погрузке и разгрузке судов, возводили тогда еще бревенчатые пирсы. С 1947-го по 1950 год бригадиром рабочего лагеря был Яков Крылов. Как он, воевавший с фашистской Германией и империалистической Японией, награжденный четырьмя орденами, оказался в заключении?

Судьба пехотинца Крылова схожа с судьбой подводника Маринеско. После войны Яков был назначен заместителем командира полка по хозяйственной части. Вышел приказ об оприходовании трофеев, к которым были отнесены продовольствие и вещевое имущество. Ревизия выявила как излишки, так и недостачу. Излишки оприходовали, а на каждый рубль недостачи произвели двенадцатикратный начет. Результат умножения для помощника командира полка вышел незавидный: недостача составила без малого сто тысяч рублей. Его осудили на шесть лет, лишив боевых наград.

В Ванино Крылов попросился в рабочий лагерь, где за ударный труд начислялись зачеты, а значит, была возможность сократить срок заключения. Его бригада неизменно выполняла план на сто пятьдесят один процент. Рабочий лагерь по сравнению с другими ванинскими лагерями отличался порядком. В его бараках можно было спокойно отдохнуть, написать письмо. После смены открывался буфет, где продавали папиросы и сладости. Хотя денег на руки выдавалось немного…

Через три года образцового труда Крылов получил справку об освобождении. После выдачи паспорта надо было выбирать: или уезжать, или оставаться, но без промедления трудоустраиваться. С пятнадцатого июля 1950 года Крылов работал в порту как вольнонаемный, через год его назначили заведующим складом такелажа. Боевые награды вернули в 1974 году. Вместе с орденами Отечественной войны, Красной Звезды и Красного Знамени получил вторую медаль «За отвагу». Она не была вручена, поскольку он попал в госпиталь после успешной разведки боем восемнадцатого августа 1942 года.

Разумеется, Крылов и Маринеско знали друг друга. Вот что рассказывал Александр Иванович о работе в порту:

«*Когда нас стали переводить на лагерное положение, мы, моряки, попросились, чтобы нас всех вместе послали на погрузочные работы в порту. Работа эта тяжелая. Вскоре я стал бригадиром над двадцатью пятью человеками, и наша бригада сразу стала выполнять более ста пятидесяти процентов плана, это давало зачет срока один к трем. Меня оценило начальство за то, что я, как бывший торговый моряк, умел распределять грузы по трюмам. В бригаде меня тоже уважали, звали капитаном.*

Так я проработал несколько месяцев, затем меня выпросил у начальства директор местного рыбозавода. Малограмотный мужик родом из Николаева, отбывший срок и осевший в Ванино. Ему нужен был дельный заместитель. С ним было работать легко, и скажу, не хвалясь: я ему так поставил дело, что, когда подошел срок, он очень переживал мой отъезд, соблазнял райской жизнью и большими деньгами, предлагал вызвать в Ванино мою семью, но я не согласился. На рыбозаводе я был почти на вольном положении при деньгах, но держал себя в струне, ни капли в рот не брал, хотя временами было тоскливо. Очень скучал по семье».

О работе Маринеско в порту с теплотой отзывался Александр Лунев. Летчик, он прошел войну, был награжден, после войны женился, а в 1947 году его направили в Корею, где СССР противостоял США. Бочка с горючкой, отпущенная без накладной по команде старшего по званию, обернулась для него трибуналом, который присудил три года. В Ванино, где он попал в рабочий лагерь, за образцовый труд его перевели в бесконвойники. Александр вызвал жену, они сняли комнату. Как-то вместе стояли в районе рабочей зоны, и мимо проходил Маринеско. «Вот наш бригадир. Очень хороший человек», — так Лунев представил жене Александра Ивановича, и это случайная встреча осталась в памяти Анны Ивановны на всю жизнь.

Какие люди прошли ванинские лагерные зоны!.. Певица Лидия Русланова, поэтесса Ольга Берггольц, трубач и композитор Эдди Рознер. В спецвагоне была доставлена дочь маршала Григория Кулика, обвиненного в заговоре и расстрелянного в 1950 году.

А в чем заключалась вина Анны Громадской? В том, что она вышла замуж за Владимира Енукидзе — сына Авеля Енукидзе, крестного отца Надежды Аллилуевой, ставшей женой Сталина и покончившей с собой?.. Громадская была реабилитирована, разыскала детей, с которыми ее разлучили. Однако повзрослевшие дочь и сын не приняли ее как родного и близкого человека. И тогда Анна Михайловна возвратилась в Ванино, где она валила лес, добиваясь трехкратного выполнения плана, чтобы сократить срок и скорее увидеть Дину и Сашу. Она вернулась в Ванино, чтобы начать жизнь с чистого листа…

«ДВА РАЗА В МЕСЯЦ СМОТРЮ КИНО»

В конце 1950 года бывший офицер-подводник, возглавлявший бригаду грузчиков в порту, получил другую работу. Администрация рабочего лагеря отправила его на рыбозавод. Для Александра Ивановича это не стало неожиданностью, поскольку директор рыбозавода накануне перевода разговаривал с ним сам подробно и уважительно.

Хотя Маринеско продолжал оставаться заключенным, новая работа давала ему неизмеримо больше свободы. Если в порту охрана не оставляла без внимания даже его, официально признанного передовым бригадиром, то на рыбозаводе с первых дней ему благоволил директор, который считал Маринеско своим заместителем и доверял ему.

Жизнь Александра Ивановича изменилась в лучшую сторону. Не надо было бороться за существование, можно было просто жить. Поддерживать душевное равновесие книгами и фильмами, встречаться с близкими по мировосприятию людьми. Это обретение спокойствия и уверенности подтверждают его письма жене.

«Здравствуй, милая, дорогая Валюшка!

Три дня тому назад, 17-го декабря 1950 года, получил твое письмо и, как видишь, сегодня 20/XII смог только написать ответ. Причина в том, что мне как экономисту нужно было составлять план (смету на наше рыбное хозяйство) на 1951 год. Работа очень сложная, кропотливая, а главное, я эту работу выполнял впервые, и приходилось «ворочать миллионами». Сейчас с этой работой покончил, получил одобрение начальства и некоторое время буду спокойно работать — не торопясь!

Погоды «у нас» на ДВК сейчас морозные, но ясные. Правда, много дней очень ветреных, тогда особенно чувствуешь мороз. Дорогая моя Валюша! Ты совершенно не представляешь мою жизнь, ибо даже начинаешь сомневаться насчет моего отношения к вашему полу. Могу тебе написать, во-первых, ты забываешь, что я заключенный, во-вторых, ты, не пережив всего, что я почувствовал за это злополучное время, не можешь знать, что у меня делается в душе, и того, что я совершенно не обращаю внимания на женщин и нет никакой, даже малейшей тяги...

Город Ванино, которым ты интересуешься, является большой деревней; нет кирпичных и каменных зданий, нет водопровода, нет канализации. Имеются только склады, три магазина и примерно десять тысяч жителей, а заключенных больше в несколько раз... Развлечений тоже нет. Два раза в месяц смотрю кино; в этом месяце смотрел старые картины «Суд чести» и «Паяцы», и обещают еще показать «Великая сила». Читать совершенно нечего и негде достать за деньги. Удовлетворяюсь газетой «Тихоокеанская звезда». Вот все, чем могу похвалиться...

Прошу тебя также не забывать о том, что я тебя очень сильно люблю, а также о том, что тебя мне никто не может заменить... Дорогая женушка, передавай привет всем нашим и знакомым. От стариков ничего нет, хотя письмо им послал 25 дней тому назад. Валюша, милая, пиши больше писем и отправляй железной дорогой (авиапочтой долго идут). Поздравляю тебя с днем рождения, желаю всего, что только можно, наилучшего...»

Валентина Ивановна Громова — вторая жена Александра Ивановича. Познакомились они после войны, когда уволенный с воинской службы Маринеско работал на судах Ленинградского морского пароходства. Валентина Ивановна была судовой радисткой, воспитывала сына Бориса.

Аббревиатура ДВК, которую употребляет в своем письме Александр Иванович, расшифровывается так — Дальневосточный край. Хотя его еще в 1938 году упразднили, разделив на Приморский и Хабаровский. Однако в представлении соотечественников ДВК продолжал существовать, но не как территориальная единица, а как восточная окраина страны.

Кинофильм «Суд чести», который смотрел в Ванино Александр Иванович, в 1949 году был отмечен Сталинской премией первой степени, что сегодня равнозначно Государственной премии. Фильм повествует о том, как советские биохимики отправились в командировку в США, где были откровенны и не скрывали своих открытий. Они не предполагали, что перед ними совсем не коллеги, а разведчики и капиталисты, жаждущие заработать миллионы долларов на советских новациях. Кинолента отвечала духу борьбы с поклонением Западу, которая развернулась в конце сороковых годов. Однако нашпигованный идеологическими штампами сценарий не помешал Борису Чиркову, Ивану Переверзеву, Лидии Сухаревской, Евгению Самойлову великолепно сыграть роли. В 1949 году «Суд чести» посмотрело свыше пятнадцати миллионов зрителей.

Итальянская картина «Паяцы», упоминаемая Маринеско, создавалась по одноименной опере. В ней снималась Джина Лоллобриджида, будущая звезда итальянского кинематографа. Если Александр Иванович отправился на просмотр классической оперы, перенесенной на кинопленку, то высказывания штабных офицеров в годы войны о его бескультурье и необразованности вряд ли соответствуют действительности.

«Великая сила» — еще один фильм, который он упоминает в письме. Сюжет до предела производственный: птицеводы, верные заветам известного советского биолога и селекционера Ивана Мичурина, повышают яйценоскость кур. Но какие актеры — Борис Бабочкин, Виктор Хохряков, юная Ольга Аросева!..

Жаль, что жена Александра Ивановича не знала, а потому не могла сообщить ему новость о том, что директор института переливания крови Кухарчик снят с должности и посажен за хищения. Это ведь он разрешил своему заместителю по хозяйственной части Маринеско забрать со двора института торфяные брикеты и развезти их по домам малоимущих сотрудников, после чего позвонил в милицию и в ОБХСС — отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности. Убрав принципиального зама, который пришел в институт по рекомендации райкома партии, Кухарчик надеялся, что ему уже никто не помешает достроить дачу за казенный счет. Как видно, помешали…

«Здравствуй, дорогая моя Валюшка!

Получив сегодня два твоих письма и телеграмму, я был как бы согрет лучом солнца и сейчас, начиная писать это письмо, подумал, как хорошо иметь близкого дорогого друга, которому веришь и которого любишь больше самого себя.

Поздравляю тебя, а также всех наших с Новым годом, с новым здоровьем и желаю, чтобы этот год был последним годом наших невзгод и разлуки. Читал твои письма, дорогая Валюша, и у меня также заболел зуб, и я тебе, бедной, сочувствую от души...

Бывают ночи, когда я только и думаю о тебе (моей дорогой и милой девочке), о том, как я приду, о нашей встрече и жизни! Другой раз бывает на душе так приятно мечтать о встрече, тебе и доме, но бывают и минуты, когда еле сдерживаешь слезы. Все это ерунда, ибо я надежды не теряю и твердо уверен, что буду еще с тобой счастливо доживать свой век (лет до 80-90), и уже сейчас начал подготовку к отъезду; в эту получку потеснил свой желудок, но 50 рублей отдал портному, которому заказал пошить «москвичку» — полупальто из шинели, а всего за работу надо заплатить 200 рублей. К маю месяцу буду иметь хорошую вещь...

Дорогая Валюша, пиши больше о себе и о Борисе, как его дела с учебой, какие получил он отметки за последнюю четверть и как вообще он себя чувствует? Из телеграммы понял, что ты в Ленинграде, и поэтому напиши все подробно, как провела там время и как встречали Новый год. Прошу, дорогая моя «кнопка», береги свое здоровье. Ты еще мне будешь нужна здоровой и энергичной!..

Как отец? Поступил ли на работу и как его здоровье? Пиши также о матери, такая ли же она бурчливая?..

Вчера только перестала дуть сильная снежная пурга, которая замела снегом наш дом до крыши (он стоит за крутой горкой — сопкой), и для того, чтобы выйти, нам пришлось вылезать в отверстие в потолке для печки-времянки и очистить снег от двери. Дорогая моя Валюшка, прошу тебя, береги себя и свою энергию и помни о нашей встрече в 1951 году. С тем до свидания, моя розочка, целую тебя крепко и много-много раз.

Любящий тебя безмерно, твой слуга и муж.

4/1-1951 год».

Ушедший 1950 год в Ванино был отмечен побегами. Восемь заключенных бежали, прихватив «папашу» — пистолет-пулемет Шпагина (ППШ). Преследовала их группа с собакой. Беглецов настигли в перелеске у станции Токи, что в шести километрах от Ванино. Они отстреливались, но неудачно: с первой очередью были выпущены все патроны из обоймы. С оставшимися без оружия не церемонились и расстреливали на месте. Единственный уцелевший пытался уйти ползком, однако был схвачен и доставлен в лагерь, где его лишили жизни свои же. Семь трупов были привезены из перелеска и брошены у колючей проволоки в назидание.

Бунт на южном берегу бухты гасили водой из шлангов пожарной машины и выстрелами в воздух. Но были и прицельные выстрелы. Убитых увозили на грузовиках…

Александр Солженицын в известной на весь мир книге «Архипелаг ГУЛАГ» описывает ванинские будни с редкой для него эмоциональностью. «А сорок девятого в бухте Ванино в 5-й зоне, — не хотели? Тридцать пять тысяч! И — несколько месяцев! — опять же на Колыму не отправлялись. Да каждой ночью из барака в барак, из зоны в зону зачем-то перегоняли. Как у фашистов: свистки! крики! — «Выходи без последнего!» И все бегом! Только бегом! За хлебом сотню гонят — бегом! За баландой — бегом! Посуды не было никакой! Баланду во что хочешь бери — в полу, в ладони! Воду цистернами привозили, а разливать не во что, так струей поливают, кто рот подставит — твоя. Стали драться у цистерны — с вышки огонь! Ну, точно, как у фашистов. Приехал генерал-майор Деревянко, начальник УСВИТЛа, вышел к нему перед толпой военный летчик, разорвал на себе гимнастерку: «У меня семь боевых орденов: кто дал право стрелять по зоне?» Деревянко говорит: «Стреляли и будем стрелять, пока вы себя вести не научитесь».

УСВИТЛ — управление северо-восточных исправительно-трудовых лагерей. Хотя размещалось оно в Магадане, подчинялись ему не только колымские лагеря, но и ванинские. Андрей Деревянко возглавлял УСВИТЛ с июля 1948 года по май 1951-го. Еще один эпизод, характеризующий генерала. В 1950 году в санитарный отдел (СанО) в Ванино стали поступать заключенные из Комсомольска-на-Амуре. Больница на Дземгах, где они лечились, была закрыта после посещения начальником УСВИТЛа. «Что держите? Ему одинаково умирать, что на трассе, что на матрасе», — наставлял медперсонал генерал внутренней службы.

«СЕГОДНЯ ДОЧИТАЛ “ВОСКРЕСЕНИЕ”»

Колонна заключенных двигалась в порт для отправки в Магадан. С обеих сторон ее сопровождали конвоиры с собаками. Голова колонны дошла до пирса, а хвост еще семенил у второго маяка, который сейчас посередине проезжей части главной улицы райцентра — Приморского бульвара, рядом с книжным магазином и сберкассой. Во главе растянувшейся на полтора километра колонны шествовал по пояс раздетый мужчина. На животе у него висел замок: было видно, что металлические дужки проходят через кожу. Замок был закрыт, кровь капала на пыльную дорогу, на дощатый пирс…

С 1947 года, когда на рейде Находки взорвался пароход «Дальстрой», который следовал в Магадан, наркомат внутренних дел развернул поток заключенных с Транссибирской магистрали в Ванино, куда в победном 1945 году пришла же-

лезная дорога из Комсомольска-на-Амуре. Есть сведения, что с 1947-го по 1953 год на Колыму через порт Ванино прошли два миллиона человек. Везунчиков, оставленных в рабочей и производственной зонах ванинской пересылки, было неизмеримо меньше. Значит, бывший офицер-подводник Маринеско, возглавивший бригаду грузчиков в порту, а позже переведенный на рыбозавод, попал в везунчики…

«*Здравствуй, милая и дорогая моя Валюша.*

Сегодня получил твое последнее письмо из Ленинграда, а до этого фотографию Бориса. Взглянув на фотокарточку, был поражен и удивлен ростом Бориса. Ведь он совершенный мужчина! Неужели он за один год, который я его не видел, так вырос и изменился или это просто фокус фотографа? Все, кому я показывал и хвастался фотокарточкой, восхищались Борькой!..

Живу я по-старому, правда, произошла со мною очень неприятная история! К нам на рыбалку для проверки заглянуло начальство и, узнав, что я пишу письма не через п/я 261/191, забрало все твои письма, которые я хранил для памяти, и наказало меня, сняв с бригадиров и переведя работать грузчиком, где я и проработал с 16/1 по 26/1, но благодаря настойчивым ходатайствам начальника рыбного хозяйства с 26/1 я работаю на рыбалке, на должности старой — нормировщика-экономиста. Сейчас, дорогая моя детка, хотя письма будут приходить ко мне и от меня с опозданием — долго, но все же пиши мне их через п/я по адресу: Хабаровский край, гор. Совгавань, порт Ванино, п/я 261/191.

Прошу, дорогая моя деточка, не печалься, что письма будут «ходить долго», а помни, что твой Сашка скоро будет с тобой. Ведь осталось до нашей встречи всего каких-то 8-9 месяцев. А я со своей стороны постараюсь приложить все силы, которые у меня еще есть, для того, чтобы встреча состоялась еще раньше, т. е. месяцев через 6 или 7. Сегодня дочитал книгу Льва Толстого «Воскресение», и, хотя я читал ее ранее, она оставила во мне глубокое впечатление. Советую тебе достать и прочесть ее...

До свидания, дорогая моя кнопочка, милая моя женушка! Счастье мое невидимое! Твой слуга и муж.

29/1-1951 г.»

С проверками являлись не только в рыбное хозяйство. Прибывший из Магадана начальник управления северо-восточных исправительно-трудовых лагерей генерал-майор Андрей Деревянко взялся за ревизию рабочей зоны. К нему обратился зэк, учтиво попросивший закурить. «Не курю», — отрезал генерал. «И в карты не играете?» — с той же почтительностью любопытствовал заключенный. «Нет», — произнес, насупившись, начальник УСВИТЛ. «Тогда почему у вас в кармане колода карт?» — осведомился зэк.

Деревянко сунул руку в карман галифе: там лежала новенькая колода. Впрочем, этот фокус в советских лагерях был не в диковинку. У того же Деревянко, когда начальник УСВИТЛ в очередной раз инспектировал Ванино, мелкий воришка увел портсигар. Его поступок сильно расстроил властную воровскую вертикаль, и портсигар без промедления вернули хозяину.

После войны прошедшие фронт воры взялись за старое и, как следствие, не миновали заключения. Но там заправляли воры, не видевшие войны и не признававшие авторитета фронтовиков. «По воровскому закону вор не должен в заключении занимать какие-либо административные лагерные должности. Вор, занявший такую должность, перестает быть вором и объявляется “сукой”», — замечает Варлам Шаламов в «Очерках преступного мира».

В Ванино воры-фронтовики, отвергнув тюремные обычаи, заняли должности бригадиров и десятников, а их главарь по кличке Король обещал начальству навести порядок во всех ванинских лагерях. Охрана вывела заключенных из бараков и построила, Король был официально представлен старостой.

Воров, которые не принимали верховенство Короля и отвергали лагерные должности, убивали. Хотя среди них были и такие, кто принимал новые порядки и соглашался поцеловать нож, после чего становился «сукой». Вспыхнувшая в Ванино война между ворами и «суками» охватила всю страну.

«ЦЕЛУЮ МНОГО-МНОГО РАЗ»

«Здравствуй, дорогая, милая Валюша!

Сегодня получил твое удивительное письмо, в котором идет речь исключительно о любви и ни о чем больше. Очевидно, ты находилась под большим впечатлением или от разговора, или от вновь овладевшей твоею душою любовью?..

Я считаю, что любовь существует (как и слово, само по себе существует в лексиконе языков всех национальностей). Правда, другой раз некоторые «люди» злоупотребляют этим словом, не понимая, что взаимное влечение и любовь — вещи разные. Временное влечение у каждого человека является вследствие первых впечатлений и при дальнейшем знакомстве (вернее — познании человека) может исчезнуть или переродиться в настоящую любовь.

Первое влечение распознать нетрудно, даже не имея с человеком половых связей, а только поддерживая знакомство и имея совместные столкновения с жизненными стремлениями, короче говоря, живя в одном обществе. Ты сама прекрасно знаешь, что можно в красивом, привлекательном человеке разочароваться в первый вечер знакомства, а отсюда следует, что любовь — это не только половое влечение. Вот все, что я могу тебе написать очень кратко на эту тему...

Жду с нетерпением дня, когда увижу тебя и всех дорогих мне людей. Сейчас, с 1-го февраля, мне осталось до возвращения еще как максимум 8 месяцев, так что в сентябре должен быть дома. Надеюсь, что зимнее время пройдет быстро, хотя у нас стоят сильные морозы до 30 градусов и снежные бураны, что нагоняет печаль и скуку и этим удлиняет дни и месяцы, а также чувствую «удлинение» дней тем, что начинаю подумывать о приближении дня встречи...

В общем, не забывай мне писать все подробно и не скрывай неприятности, если таковые существуют. Остаюсь любящий тебя до пределов настоящей людской любовью, которая есть святыня человеческих чувств и наслаждений. Целую тебя много-много раз, мой дорогой ангел! Любящий тебя.

4/11-51 года».

В женской зоне друг от друга отделялись простынями. Таким сильным было желание иметь пускай не комнату, а пространство, где можно остаться наедине. Охрана срывала матерчатые перегородки, но они появлялись снова.

Были случаи, когда женщины жили с женщинами. Тогда «жена» не работала. Один из бесконвойников рассказывал, как ему понравилась девушка и он встретился с ней в палате санитарного отдела (САНО). После страстного свидания она вывела его на улицу, чтобы никто не заметил. Через несколько дней довольный любовник снова появился в САНО, но был остановлен охраной. Ему показали голову возлюбленной, отрезанную от тела. Оказалось, что к молодому бескон-

войнику девушку приревновала «устрица» — женщина-«муж», и таким жутким образом она отомстила за измену.

Разделение на воров и «сук» существовало и в женской зоне. «Суки» работали нарядчиками и бригадирами, им позволялось накрывать тумбочки вышитыми салфетками. Воры, верней, воровки, не уступали «сукам» в пристрастии к уюту: у них были свои уголки с занавесками и другими украшениями.

Всем распоряжались в 14-й зоне, где находилось больше тысячи женщин, Рая и Надя, которые ходили не одни, а в сопровождении десятка бесстыжих особ, вооруженных финками. Они отбирали вещи у прибывших по этапу. Однажды новенькие были раздеты до того, что утром им было не в чем выйти из барака.

Охрана знала о притеснениях в женской зоне. Были там и убийства. Но выманить верховодниц и преданных им «шестерок» не получалось. Тогда из зоны вывели всех женщин, но шайка-лейка не намеревалась сдаваться. В охранников полетели кирпичи и камни, однако силы были неравны. Бунтовщиц схватили и вынесли из барака. Первым пароходом их отправили в Магадан…

Инструкцией «О режиме содержания заключенных», которая поступила из Москвы, вводился запрет на использование осужденных в качестве домработниц. До этого ведь как было: приходил в женскую зону начальник и уводил понравившуюся молодку, расписавшись в бумагах. Даже местный прокурор в звании майора юстиции перед соблазном не устоял. Домработницы покупали продукты и готовили, убирали в квартире, стирали… Однако инструкцию, которую завизировал глава внутренних дел страны генерал-полковник Сергей Круглов, нельзя было игнорировать, и три с лишним десятка ванинских домработниц вернулись в зону. Сами они были этому рады: другая работа позволяла рассчитывать на зачет и сокращение срока.

В бараках женской зоны было по нескольку печек и трехъярусные нары. Охранники топтались на улице и в помещение не обязаны были заходить. Для этого существовала специальная надзорная служба. Известна история, как в женской зоне наказали командира, который соблазнил осужденную, после чего бросил ее и стал встречаться с другой. Когда он пришел в барак к новой пассии, женщины силком затащили его на нары и раздели.

Он сумел удовлетворить троих, но другие от него не отставали. Кончилось это плачевно: пленник потерял сознание. Тогда отчаянные особы перевязали мужское достоинство ниткой и стали играться им, как неваляшкой. За этим занятием обитательниц барака застукала спецнадзорслужба, которая объявила тревогу. Командир был доставлен в САНО, где его вернули к жизни. Впрочем, скоро любвеобильный служака и его насильницы, во избежание кривотолков, были отправлены в Магадан.

В Ванино прибыл генерал Сергей Гоглидзе. Соратник Лаврентия Берии, возглавлявшего всемогущий народный комиссариат внутренних дел (НКВД), Гоглидзе с 1941 года был начальником управления НКВД по Хабаровскому краю, а позже уполномоченным НКВД по Дальнему Востоку. Исследователи отмечают его неординарные способности как организатора разведывательной деятельности, которая способствовала успеху советских войск в августе 1945 года, когда начались боевые действия против империалистической Японии. Правда, в Ванино генерал-полковник занимался не тайными операциями, а привычной для его ведомства рутиной — проверял надежность охраны лагерей, а также организаций и строек, где рабочей силой были лагерники.

Охрана хромала: прошедшие войну солдаты и офицеры в нее не стремились. В Ванино стало привычным набирать в охрану осужденных, которые отбывали небольшие сроки. Считалось, что воспитательная работа поможет им стать при-

мерными надзирателями. Гоглидзе побывал в 501-й лагерной колонне, которая работала на прокладке железнодорожной ветки к Советской Гавани от станции Сортировочная, что в шести километрах от Ванино. Генерал охотно общался с охранниками, среди которых преобладали казахи. Встречу с ним запомнил начальник колонны Никита Перелыгин. «Как у тебя побегов нет?!» — вопрошал его Гоглидзе то ли с угрозой, то ли с удивлением. «А куда бежать? Кругом тайга», — отвечал Перелыгин.

Нет свидетельств, что стать охранником предлагалось Александру Маринеско. После прибытия по этапу его назначили бригадиром грузчиков. Как вспоминали Яков Крылов, отмеченный четырьмя боевыми орденами, и Александр Лунев, участник боевых действий в Корее, которые работали с Маринеско в порту, с ними, бывшими офицерами, разговоров о переводе в охрану лагерное начальство не вело. Вероятно, предвидело, что согласия не будет.

Работа на рыбозаводе, куда Маринеско сагитировал его директор, позволила Александру Ивановичу поберечь себя, ведь там он был не грузчиком, а экономистом-нормировщиком. Он не так уставал, как прежде, когда после смены в порту от перенапряжения валился на нары. Появилось время для чтения книг, просмотра кинокартин, осмысления жизни, которая предстояла после отбытия срока. Это заметно по его письмам жене Валентине Ивановне Громовой.

«*Здравствуй, дорогая Валюша!*

Смотрю на твою фотокарточку и думаю, какая ты у меня красивая!.. В общем, ты получилась очень хорошо, и, если будет возможность и деньги, обязательно сделаю с нее портрет масляными красками...

О себе писать нечего, ибо жизнь проходит однообразно и долго тянется время... Читаю мало, ибо нету хороших новых книг; но с удовольствием перечитываю классиков. Кино смотрю примерно 4-5 раз в месяц. Последнюю картину смотрел «Далеко от Москвы», но до просмотра картины говорил с одним человеком, который работал на этой стройке, и сделал вывод, что картину можно было бы поставить значительно лучше...

С этой строки начал кончать вчерашнее письмо и, как нарочно, сегодня получил твое письмо под №5, где ты успела мне ответить на вопросы, задаваемые и в этом уже письме.

У нас сейчас происходит досрочное освобождение, но с условием отработки в системе Дальстроя, где я сейчас и работаю до окончания срока. Очень боюсь этого освобождения! Многие из наших ребят уже работают по вольному найму.

Вот почти все мои скромные новости. Погоды такие же, как и у тебя: утром мороз до 30 градусов, а днем на солнышке капает. Чувствуется приближение весны, но здесь это самое плохое время года, когда заливают дожди и по колено грязи. Последнее время, как я тебе писал уже выше, очень и очень скучаю по Ленинграду и по всем вам, а больше всего — по тебе...

Дорогая, милая Валюша, еще раз прошу тебя, пиши мне часто, как только ты в состоянии, жду с нетерпением твоих писем... Любящий тебя.

3/III-1951 года».

Кинокартина «Далеко от Москвы», которую в письме упоминает Александр Иванович, снята по одноименного роману Василия Ажаева. Роман, как и фильм, были удостоены Сталинских премий первой степени, что означало наивысшую оценку труда писателя и создателей картины. Лента была полноцветной, а не в привычном тогда черно-белом изображении. Благодаря цвету

молодые участники строительства нефтепровода смотрелись на экране щеголями, хотя действие происходило в разгар войны, когда хлеб распределялся по карточкам, а ткань для пошива платья или костюма выдавалась как поощрение передовикам.

В Хабаровском крае «Далеко от Москвы» смотрели с особым интересом, ведь в нем рассказывалось о прокладке трубы с Северного Сахалина на нефтеперерабатывающий завод Комсомольска-на-Амуре. Были узнаваемыми проспект Мира и аллея Труда, Дворец культуры судостроительного завода, пристань и паромная переправа на Амуре. Правда, Комсомольск именовался Новинском, Хабаровск — Рубежанском. В фильме снимались Николай Охлопков, Павел Кадочников, Марк Бернес, другие известные актеры и совсем молодая Любовь Соколова.

Зрители не догадывались, что автор романа был арестован в 1934 году и полтора десятка лет провел в лагерях, что нефтепровод строили не комсомольцы, а зэки. Вероятно, кто-то из них оказался в Ванино, встречался с Маринеско, о чем Александр Иванович сообщает жене. Но вряд ли фильм 1950 года мог быть иным, его режиссер Александр Столпер лишь через полтора десятилетия снимет обжигающих правдой «Живых и мертвых» по одноименному роману Константина Симонова.

Мельком Маринеско затрагивает в письме «Дальстрой» — организацию, которая на Северо-Востоке СССР в тридцатых — пятидесятых годах прошлого века занималась всем: развивала горнорудное производство и прокладывала дороги, вела лесозаготовки и сельское хозяйство. «Дальстрой» существовал в связке с УСВИТЛ — управлением северо-восточных исправительно-трудовых лагерей. Управление поставляло «Дальстрою» рабочую силу.

В Ванино в составе «Дальстроя» были порт и леспромкомбинат. В Советской Гавани «Дальстрой» возводил крупнейший в стране судостроительной завод с количеством работающих порядка шестидесяти тысяч человек. Первый район, Пятый квартал, Двадцатка — эти названия совгаванских жилмассивов оттуда, из конца сороковых — начала пятидесятых, когда разворачивалась грандиозная стройка. Ее остановили после смерти Сталина, тогда же подвергся серьезной трансформации «Дальстрой».

Но почему Маринеско, у которого в военную пору учились бесстрашию и смелости советские подводники, неожиданно признается жене: «Очень боюсь... освобождения»?! Показательна судьба Федора Шугурова, которого арестовали за прибаутку «Серп и молот — разруха и голод», которую он не побоялся произнести в кругу сослуживцев-красноармейцев. Срок отбывал на строительстве железнодорожной ветки Комсомольск — Ванино. Освобожден был в 1942 году, однако справку об освобождении получил только в 1945 году. «Да и много нас таких было, кто одновременно сидел как бы на двух стульях. С одной стороны — вольный, с другой — раб. Попробуй тронься с места — опять и надолго сядешь на прежнее», — признавался Федор Михайлович полвека спустя учителю истории местной школы Альвине Шашкиной, написавшей книгу «Ванинская пересылка».

«Так и мотались тысячи и тысячи бывших осужденных, — констатировалось в ней, — за своими колоннами и лагерями. Невидимая цепочка связывала их с неволей покрепче всяких пут».

Якову Крылову, с которым Маринеско работал в порту, летом 1950 года выдали справку об освобождении и паспорт. Но радости не случилось, поскольку Яков Максимович был ошарашен пожеланием лагерной администрации. Или уезжай из Ванино незамедлительно, или завтра выходи на работу!.. А тут еще начальник порта пригласил на беседу, которая свелась к тому, что уже не зэку, а

«вольняшке» было предложено написать заявление о приеме на работу. Крылов, воевавший с фашистской Германией и империалистической Японией, перечить не рискнул и остался в Ванино на всю жизнь. Маринеско был твердо намерен уехать, а потому переживал. Опасался благодеяний начальства, если не лагерного, то «дальстроевского»…

«КОГДА УЕДУ ДОМОЙ»

«Здравствуй, дорогая, милая и самая близкая из всего существующего в мире Валюша! Получил от тебя письмо за № 8, а письмо № 7, очевидно, еще болтается в пространстве, длина которого около 11000 километров. Писем от тебя не получал давно, и это письмо значительно повысило мое морально-поэтическое настроение. Живу я, как и прежде, по ранее установленному распорядку дня, нарушать который я не в силах, да и нет в этом необходимости.

Работаю сейчас мало, ибо рыба не ловится, и в связи с отсутствием последней времени у меня много, но ты сама знаешь, что значит, когда нечего делать! В голову лезут всякие дрянные мысли, а по ночам снятся невозможные сны. Не знаю, к письму ли, но прошлой ночью я видел замечательный сон и лишь потому замечательный, что всю ночь видел тебя, несмотря на несколько пробуждений и перекуров...

Погоды на нашем Дальнем Востоке хорошие: солнечно утром и небольшой мороз днем, можно ходить в костюме. И вот эта хорошая погода и весна наводят тоску по Европе.

Жизнь проходит скучновато, наш киноаппарат так же, как и у вас, сломался и находится в ремонте, а посему картин не смотрим. Читать нечего, все неинтересно, да и перечитано. Единственное развлечение — это подсчитывать, когда уеду домой и где ты будешь в это время. Я уже давно просил написать мне, когда ты надеешься быть в Ленинграде, я надеюсь быть в городе в конце сентября или в начале октября. И надеюсь, что ты мне напишешь, где ты думаешь быть в это время?..

В 15-х числах апреля река Амур будет очищаться ото льда, а поэтому может быть некоторая задержка писем, примерно дней на 5-7, но ты не обращай внимания и пиши еще больше…

Вот все, дорогая моя женушка, что я смог написать на этом листе бумаги. Целую тебя, мою дорогую и любимую кнопочку...

Передавай привет всем нашим и целуй за меня!»

Из-за чего в ледоход и ледостав задерживалась поступающая в Ванино почта? Это хорошо известно старшему поколению: по железнодорожному мосту у Комсомольска-на-Амуре поезда пошли только в 1975 году. А три десятка лет вагоны, как пассажирские, так и товарные, возили паромы, построенные по специальному заказу там же, в Комсомольске, на судостроительном заводе.

Перед новогодними праздниками начинала действовать ледянка — ветка, проложенная по окрепшему льду. Движение прекращалось в ледоход и ледостав. Вагоны, идущие с Транссибирской магистрали, стояли на станции Комсомольск-Сортировочный. На противоположном берегу Амура составы из Ванино ждали «зеленый» на станции Пивань. Мост раз и навсегда избавил грузоотправителей и грузополучателей вместе с железнодорожниками от неудобств в межсезонье. Однако поубавилось и романтики в эпистолярном жанре. «Пиши еще больше» —

это пожелание Маринеско как объяснение в любви, которой не страшны ни расстояния, ни катаклизмы природы.

Работавшие в порту бригады грузчиков Якова Крылова и Александра Маринеско каждую смену, не сговариваясь, делали сто пятьдесят процентов плана. За это полагался тройной зачет: отработанный день в лагерных бумагах трансформировался в три дня. Так сокращался срок наказания, а если иметь в виду, что грузчикам, как и другим работавшим зэкам, полагалась зарплата, то сталинские лагеря сегодня могут показаться средоточием ударного труда и массового исправления, что именовалось специфичным словечком «перековка».

Но почему накануне досрочного освобождения переживает и мучается Александр Иванович Маринеско? В письмах из Ванино известный всему военно-морскому флоту страны смельчак предстает человеком сомневающимся. Что угнетало после перевода на рыбозавод, где ему работалось гораздо спокойней?

«Здравствуй, дорогая, милая Валюша!

Пишу третье письмо, но ответа от тебя все нет и нет. Сообщи, в чем дело? Правда, последние письма и не должны дойти до меня, ибо сейчас сообщения по причине распутицы с 5 апреля нет, и письма в начале мая месяца я получу полностью, если ты только их писала.

Дорогая Валюша, конечно, я тебя очень хорошо понимаю, наверное, и, конечно, оно так и есть, тебе уже надоело не только писать мне письма, а и ждать меня. Ведь прошли, слава Богу, один год и 2 месяца, как ты все ждешь, но что поделать, еще осталось около 5 месяцев ожидания.

Валюша, прошу все же хоть изредка, но вспоминать меня. Вот я, например, последнее время что ни делаю, а ты все время передо мной: и встаю, и ложусь — вспоминаю, и во сне все время снишься, даже другой раз делаю ошибки, думая о тебе.

Написал домой письмо старикам и Борису, только неделю тому назад получил от них письмо: пишут, что все в порядке, отец работает и получает 900 рублей — «конечно, мало, но с помощью матери бюджет выдерживают».

Рыбу еще не ловим, но скоро начнем, так что жить будет веселей. Но сейчас переживаем мы невеселое время и больше всего боимся каких бы то ни было изменений по службе. Молим Бога, чтобы хоть месяцев шесть осталось все по-старому — до моего освобождения. Последнее время стало очень тяжело с зачетами, а они меня интересуют больше всех. Еле нашел выход, чуть не попал под расколонизацию и только благодаря авторитету и связям остался нетронутым, но эта кампания еще продолжается, к моему большому огорчению.

Начинаю часто подумывать о будущем, о работе и устройстве жизни. Имея товарищей из разных концов СССР и получая от них информацию о жизни, прихожу к заключению, что с Ленинградом, как мне ни жаль, но следует распроститься. Жизнь везде, особенно на юге, значительно проще и дешевле, а, как ты знаешь, для нас с тобой много не нужно. Нужен дом, небольшое имущество и работа хотя бы капитаном на какой-нибудь из речек, и можно хорошо и спокойно жить.

Хочу также, еще находясь здесь, послать письмо в речное пароходство или рыбное пароходство на Ладоге, там, говорят, тоже можно устроиться неплохо. Хочу тебя просить послать письмо в пароходство и прощупать почву, сможем ли мы вместе работать на пароходе, хотя бы на Волге, но для этого нужно писать в Министерство речного флота, которое находится в Ленинграде.

Прошу тебя, дорогая, милая Валюша, займись-ка для интереса перепиской, так как ответ ко мне не дойдет, то я и прошу заняться тебя. Из моей шинели получилась очень хорошая москвичка, в общем, на славу, а сейчас хотел собирать

деньги на костюм, но все планы срываются. Однако все это мелочи, скорей бы домой в Ленинград...

Прошу тебя, пиши мне больше писем и не забывай... Помни, что от меня еще будет толк!

Целую много-много раз. Жду ответ с нетерпением. Любящий тебя.

20/IV-51 года».

Кроме Бориса, сына Валентины Ивановны Громовой, своей второй жены, Александр Иванович упоминает стариков — так он называет родителей, мать Татьяну Михайловну и отца Ивана Александровича, живших в Одессе.

Познакомились они на Полтавщине, куда судьба прибила Иона Маринеску, который в родной Румынии остался сиротой в семь лет и был вынужден податься в пастухи. Потом овладел навыками работы на сельскохозяйственных машинах, а с 1893 года служил в военно-морском флоте — кочегаром на миноносце. Известная русская песня «Раскинулось море широко» и о нем, румынском матросе, повздорившем с офицером.

От длительного заключения его спасли побег из карцера и переход через границу. Скитания по Малороссии привели в село Лохвица, где он познакомился с Татьяной Коваль. Вероятно, там же, на Полтавщине, Ион Маринеску стал Иваном Маринеско, когда обзавелся документами. Писатель-маринист Александр Крон так описал фотографию поженившихся Ивана и Татьяны Маринеско: «Бравый матрос в цивильной одежде, но с подкрученными вверх по тогдашней морской моде усами, и красавица-украинка, черноглазая, с пышными косами».

Они перебрались в Одессу, там у них родились мальчик и девочка. Иван Александрович, которого жизнь не баловала, к детям относился мягко и снисходительно. Зато Татьяна Михайловна сына и дочь держала в строгости. Александр, который с ранних лет обошел одесские базары и среди блатных считался своим, похоже, хорошо знал, что рука матери бывает тяжелой...

«Чуть не попал под расколонизацию», — признается Александр Иванович в письме. Когда зэк формально освобождается из колонии, а в действительности его оставляют, к примеру, в Ванино, на поселение — это и есть расколонизация. Освобожденному разрешается снять квартиру, вызвать семью, поменять квартиру, как это сделал Александр Лунев, бывший военный летчик, работавший в порту в бригаде Маринеско, однако ему, как и другим попавшим под расколонизацию, запрещалось куда-либо выезжать. Вот почему Александра Ивановича, который рассчитывал на двукратное сокращение срока и незамедлительный отъезд из Ванино, не устраивала расколонизация.

«С Ленинградом, как мне ни жаль, но следует распроститься», — напоминает он жене, и действительно, возвратившимся из мест заключения не позволялось проживать в крупных городах. Показательна судьба Анастасии Булыжниковой, которая была эвакуирована из Москвы в Омск вместе с авиационным заводом. В 1944 году оставшаяся в столице мать тяжело заболела и попросила дочь приехать. Настя, получив письмо, бросилась на вокзал, но выехать не удалось: ее арестовали прямо в вагоне. За самовольное оставление работы присудили пять лет. Так она попала в Ванино, а когда в сентябре 1945 года получила справку об освобождении, ехать в Москву не рискнула. Проживать ближе сто первого километра от столицы бывшим осужденным воспрещалось. Анастасия Булыжникова, которой исполнилось восемнадцать лет, осталась в Ванино, вышла замуж за командира отделения охраны. Пошли дети… В общем, девчонка из Тушина и старожил Ванинского района — это она.

«УСПОКОИТЬ СТАРУШКУ ТЫ СУМЕЕШЬ»

«Здравствуй, моя милая, дорогая детка!

Сегодня, 11/V-1951 года, получил твои письма, написанные 25/III-51 г. (сегодня открылась переправа через Амур, и пошли первые грузы и почта). Не было предела моей радости, что ты жива и здорова, а также и потому, что ты меня любишь по-прежнему.

Писем я от тебя не получал вот уже два месяца, а в это время отправил тебе 3 письма, но, очевидно, они задержались, хотя я и послал их авиапочтой. Тронуло меня и твое предложение о приезде в Затейку, к тебе, но это представляет некоторые затруднения:

При освобождении в справке указывают, куда ехать, и мне могут отказать в Затейке, а выдать выезд в Ленинград;

Если мне и дадут выезд в Затейку, то тогда необходимо устраиваться на работу и на продолжительное время и, конечно, с пропиской; а отсюда у меня возникает целый ряд вопросов: а) Есть ли работа по моей специальности? б) Есть ли там рыболовецкие организации, где я мог бы устроиться инженером-экономистом или нормировщиком; или, если есть суда, то капитаном (старшиной судна), и какие условия? в) Есть ли прочие работы, с которыми я знаком, и возьмут ли меня?

Вопрос с пенсией тоже является основным: мне необходима пенсионная книжка и адрес, куда они должны высылать пенсию, а для этого, может быть, необходимо съездить в Москву, но мои финансы будут ограничены, ибо выдают билет и 7 рублей суточных.

Сейчас у меня есть хорошая москвичка, но остального ничего приличного нет, ехать прямо к тебе в Затейку даже и не совсем прилично, значит, нужно заехать в Ленинград за вещами, документами и прочей мелочью, хотя бы за бритвой.

Дорогая моя Валюша, конечно, все эти препятствия можно устранить, но для этого будет много возни — пересылок и прочего. Но если бы ты знала, моя дорогая Валюшка, как мне хочется быть с тобой! Мне жаль потерять даже одну лишнюю минуту, поэтому я не хочу задерживаться даже на мгновение.

В остальном у меня жизнь идет по-старому, если не считать того, что сейчас стало значительно труднее зарабатывать зачеты, поэтому заранее сказать точно срок освобождения невозможно, но примерно в октябре месяце я должен освободиться.

Погоды у нас еще плохие, холодные. 7 мая шел снег, а сейчас по утрам небольшие морозы, хотя снега уже нет. И такие погоды будут продолжаться примерно до 15 июня.

Дорогая моя женушка, ты не представляешь, сколько планов рождается у меня в голове в данное время, но они пока неосуществимы. Об этих планах я тебе писал в предыдущем письме и просил кое о чем узнать, послав письма в соответствующие министерства. Но если у тебя зародился план моего приезда к тебе в Затейку и работы моей там, то это еще лучше, если все вышеперечисленные вопросы будут нами разрешены.

Сегодня получил мамино письмо... Собирается выслать посылку мне и, возможно, уже выслала, ибо письмо от 18/III. Дорогая Валюшка! Ты, наверное, представляешь мои чувства, о них писать не стану, ибо во всем виноват я. Прошу тебя, напиши ей письмо от себя и сообщи, чтобы она не волновалась, ибо ты мне помогаешь и прочее. Напиши также, что когда я освобожусь и немного накопим денег, то обязательно приедем к ней в Одессу...

Успокоить старушку, конечно, ты сумеешь. Я также напишу ей письмо, но и тебя прошу об этом убедительно.

Целую крепко и жду с нетерпением встречи.

Любящий тебя».

Затейка — поселок, где в геолого-разведочной партии работала Валентина Ивановна Громова, жена Маринеско.

Почему он просит ее успокоить старушку — свою мать Татьяну Михайловну. Дело в том, что она решилось почти на немыслимое — написать письмо Сталину.

«*Дорогой и любимый наш Иосиф Виссарионович!*

Пишет Вам исстрадавшаяся в муках мать героя войны Александра Маринеско.

Над моим сыном нависла — ложь!

Родной наш Иосиф Виссарионович! Я становлюсь перед Вами на колени, я умоляю Вас — помогите… Утешьте сердце матери. Станьте отцом моему сыну.

Мы знаем, что Вы самый справедливый человек на земле».

«ДОРОГАЯ МОЯ ДЕТКА»

«Город Ванино, которым ты интересуешься, является большой деревней», — сообщал жене офицер-подводник Александр Маринеско.

Иной взгляд у хабаровского поэта Петра Комарова, который побывал в Ванино летом 1945 года, когда на побережье пришел первый поезд, после чего происходившее там воспроизводилось в мажорных рифмах. Вот стихотворение, которое датировано 1949 годом:

Дымят пароходы
У ближнего мола,
И клуб зашумел,
И веселая школа.
И в окнах домов,
Что стоят на просторе,
Зеленой волной
Отражается море…

Разве неправ был поэт, лауреат Сталинской премии? В бараке-клубе на улице Октябрьской выступал известный эстрадный певец Вадим Козин, прибывший из Магадана, где он отбывал срок. Школа, которую строили вместе с первым жилым районом порта, недавно отметила шестидесятилетие. Двухквартирные деревянные дома, «что стоят на просторе», покосились от времени, но сегодня пользуются спросом: их перестраивают с таким размахом, что первый жилой район порта воспринимается как аналог московской Рублевки.

Тогда огромная страна была незримо разделена. В одной ее части были свершения, о которых слагались стихи. В другой — арестанты, о которых не публиковалось ни строчки, хотя благодаря им советское государство обрело второй железнодорожный путь к Тихому океану, завершением которого стал Ванинский порт. Но кто из переутомленных и полуголодных зэков гордился участием в строительстве № 500 Народного комиссариата внутренних дел, как

официально именовалось сооружение железной дороги от Амура к побережью? Подневольный труд не вызывал положительных эмоций. Силы и разум тысяч осужденных крепили не социалистические достижения, для пропаганды которых в каждом лагере создавалась КВЧ — культурно-воспитательная часть. Всякий зэк, как Маринеско, жил сугубо личным — надеждой на сокращение срока и скорую встречу с родными.

«*Порт Ванино 7/V-1951 года*

Здравствуй, милая Валюша!

Сегодня получил твое письмо от 10/IV-1951 г. и, как всегда, был очень рад. Из твоего письма узнал, что ты у меня умница, и я горжусь тобой. Ты много приобрела некоторого барахлишка, а почему не пошила себе пальто? Или ты хочешь, чтобы материал сгнил в гардеробе? Я надеюсь, что к моему приезду у тебя будет хорошее модное пальто.

Живу я по-старому, правда, сегодня у меня веселый день: получил от тебя письмо и говорил по телефону со своим однокашником, которого не видел и не слышал о нем вот уже 18 лет. Он сейчас приехал в Ванино и назначен капитаном порта...

Одобряю твое намерение остаться со мною в Затейке, если для меня найдется хорошая, вернее, приличная работа. Также и я мечтаю о накоплении хотя бы тысяч 15 денег, которые нам с тобой необходимы для зажиточной старости.

Время не терпит, и у нас с тобой осталось жизни не более 50-60 лет, а поэтому этот остаток надо пожить как следует. А в отношении периода деятельной жизни, т.е. в течение 20 лет, я еще хочу иметь курносую копию моей Валюшки и надеюсь, а также молю Бога об этом...

Дорогая моя детка, ты мне пишешь, что стала белая, а я хочу тебе написать, что мне теперь нужно бриться почти ежедневно, ибо борода моя белая до единого волоска, а также и виски. Правда, говорят, что мне хорошо с белой бородой, но я этому не верю. И теперь, моя дорогая, когда мы будем вместе с тобой, то, наверное, все будут удивляться (любоваться) нами — молодыми, но белыми. Не горюй, мы еще с тобой дадим «жизни», особенно при встрече...

Пока все, на днях пошлю тебе письмо, в котором дополню это...

Любящий тебя».

Для кое-кого из ванинских заключенных свобода оборачивалась новыми испытаниями. Хирург Петр Медведев, работавший в САНО — санитарном отделе, который включал в себя больницу на двести пятьдесят коек, в том числе хирургическое отделение, после отбытия срока был направлен в Магадан. Рентгенотехник Павел Шиндзяпин, получив справку об освобождении, уехал на Алтай, но не смог устроиться на работу. «Как я жалею, что уехал, — признавался он в письме, которое получили в САНО. — Меня с моей справкой никуда не берут…»

Хирург Август Асрианцис, латыш по национальности, бывший шестикурсник мединститута, мобилизованный гитлеровцами после захвата Риги и получивший десять лет с возвращением Красной армии, рад был досрочному освобождению, но искушать судьбу не стал и на родину не поехал. Из Ванино перебрался в Биру — поселок в Еврейской автономной области, где прожил всю жизнь и был похоронен, где его помнят как отзывчивого доктора и поборника закаливания.

Маринеско не допускал мысли, что его оставят по каким-либо причинам, известным лишь лагерной администрации. Хотя работа для него наверняка на-

шлась бы если не в Ванинском порту, то на заводе в Советской Гавани, где ремонтировались военные корабли. Александр Иванович соглашался отправиться в сухопутную Затейку — населенный пункт, в котором жила и работала его жена Валентина. Вероятно, бывшего командира краснознаменной подводной лодки С-13 тяготило само пребывание там, где его знали как зэка.

«Здравствуй, любимая моя Валюша!

Получил твое письмо от 11/V-1951 г. и даже не знаю, что на него отвечать. Уверять тебя, что я вернусь через 5 месяцев, не могу, ибо может случиться всякое недоразумение, но знаю определенно, что вернусь в этом году и не позднее ноября месяца. Много я положил труда и стараний для быстрейшего освобождения, но причина в деньгах: было бы у меня рублей 500, может быть, я возвратился бы месяца на 2 раньше, но что поделаешь, когда даже здесь решают вопрос деньги. А мне даже противно говорить о деньгах!

Пишу это письмо 3 июня 1951 года, но посылки я твоей еще не получил и не уверен, получу ли ее вообще, — могут ее отослать тебе обратно, если она очень рано пришла к реке Амур. Надеюсь, что квитанция у тебя сохранилась и посылку ты оценила, а поэтому лучше требуй на почтамте обратно. Такая же судьба посылки и мамы, она мне выслала ее из Одессы еще 2/7, и по сие время она не дошла до меня.

Писать о себе и жизни у меня также нечего, ибо живу одной надеждой на скорое освобождение... Напрасно ты думаешь, что загадывать насчет работы и места жительства рано. Время идет очень быстро, а терять время после освобождения я не намерен, ибо нужно устраивать жизнь фундаментально и как можно быстрее. Что будет дальше, мы с тобой не знаем, и нужно хоть немного, но пожить по-человечески...

Сегодня очень плохо себя чувствую, болит в правой стороне груди и температура до 38 градусов, но работать необходимо — нужны зачеты рабочих дней...

Дорогая моя Валюша! Ты многое не знаешь в моем настоящем и, конечно, не думаешь о будущем так, как думаю я. Но мне настоящее так надоело, что я живу только будущим и поэтому хочу хоть немного знать, как можно будет устроить наше с тобой будущее и где. Я почти каждый день молю Бога о быстрейшем с тобой «свидании». Конечно, это будет не свидание, а счастье для меня, но Бог, очевидно, не слышит меня и пока еще ничем не помог мне, но слава ему, что он дает мне надежду!..

Получил от мамы письмо, передает тебе привет и целует тебя за ту помощь, которую ты мне оказываешь. От стариков наших ничего не получаю и не знаю, почему они не пишут. Пиши, дорогая, больше писем и в них о Борисе, ибо ничего не знаю о нем.

Целую мою милую, хорошую, настоящую женушку много-много раз».

Впечатление такое, что письма он писал там, где завидное благополучие и культурное окружение. А на ванинских улицах зэки-бесконвойники насиловали женщин средь бела дня. Вор в законе по кличке Фунт карал и миловал в собственном кабинете, который был оборудован в лагерном бараке. Надзиратели не замечали, как носили туда макароны по-флотски и спирт, как опустошались чемоданы прибывавших по этапу и было дежурство у почты, где вскрывали посылки и забирали мало-мальски ценное. Тех, кто сопротивлялся, закалывали заточкой…

Попустительство выливалось в побеги. В 1950 году из производственной зоны скрылись заключенные, каждый из которых имел офицерскую форму, удо-

стоверение личности с фотографией и новенькие бритвенные приборы. Беглецы далеко не ушли, однако их задержание не поколебало власти воров в законе.

Что лежало в чемоданах и рюкзаках прибывавших по этапу? Теплые вещи, но они открыто присваивались подручными Фунта, Короля, Жорки, других заправил ванинских лагерей. На пароходе «Степан Разин», который завершал навигацию, от холода заключенные умирали. Хлебные пайки, выданные перед отходом из Ванино, замерзли так, что раскусить их было нельзя. Пайки заталкивали между ног, под мышки, хлеб оттаивал, и его можно было грызть. Тех, кто скончался, без церемоний сбрасывали за борт.

Пришедший из Ванино в Магадан пароход «Ватутин» взорвался. В его трюмах везли не только взрывчатку для золотодобывающих и оловорудных предприятий Колымы, но и заключенных, которые отбыли срок и были отправлены на поселение. О взрыве на «Ватутине» стало известно в Ванино, правда, Маринеско в переписке с женой о нем умолчал, поскольку взял за правило не сообщать ей плохого. Но сам наверняка расстроился, ведь на «Ватутине» мог оказаться и он…

Вынуждены были обслуживать Фунта и ему подобных весьма приличные люди. В САНО работали московские врачи, приговоренные к длительным срокам в процессе 1938 года, когда обвинялись светила отечественной медицины, лечившие классика пролетарской литературы Максима Горького и его сына. Заключенные с ножевыми и огнестрельными ранениями направлялись в хирургическое отделение. Были также терапевтическое, туберкулезное, венерологическое. Позже открылось родильное: матерями появлявшихся на свет детишек были осужденные, отцами, как правило, охранники. Когда готовился этап для отправки на Колыму, в больнице САНО не хватало коек. Процветало членовредительсто: под кожу, а то и в глаза вводили слюну, чернила, толченое стекло. Были случаи, когда мужчины прибивали себе мошонку к чурбаку. Только бы не посадили на «Феликс Дзержинский», «Красногвардеец», другие пароходы, которые шли на Магадан!..

Концертная бригада выступала не только перед зэками Ванино, но и в клубах предприятий Советской Гавани, а также в Доме культуры местной военно-морской базы. Когда она отправлялась с концертами на станции и разъезды железнодорожной ветки, связавшей Комсомольск-на-Амуре с Ванинским портом, для проезда и проживания в пути ей выделялся купейный вагон. Он казался раем, так как вне гастролей быт артистов складывался иначе, ведь все они были заключенными.

Скрипичную партию исполнял Эвальд Турган, выпускник Таллинской и Парижской консерваторий. Солировали тенор Рижского оперного театра Семен Малюк, баритон Куйбышевского театра оперетты Юрий Мухин. Инструментальный ансамбль играл мелодии из американского кинофильма «Серенада солнечной долины», чрезвычайно популярного в Советском Союзе в послевоенные годы. Вел концертные программы поэт Асир Сандлер, сочинитель песен и реприз.

На сцене артисты были одеты с иголочки. Офицеры КВЧ — культурно-воспитательной части ванинской пересылки — сбивались с ног, доставая модные костюмы. И все же это была несвобода… Сандлер с изысканной отчаянностью писал:

Спасибо за одеколон,
Который внутрь употреблен.
Поэт не может без вина,
Но это не его вина.

Прибывший по этапу из Ленинграда, Александр Иванович недолго работал в порту, поскольку был переведен на рыбозавод по ходатайству директора. «Малограмотный мужик родом из Николаева, отбывший срок и осевший в Ванино. Ему нужен был дельный заместитель. С ним было работать легко», — позже не без самолюбия рассказывал опальный офицер-подводник писателю Александру Крону.

Но вот какая заковыка: рыбозавода в Ванино никогда не было. Оставался на слуху рыбколхоз «Заветы Ильича», гремевший в довоенные пятилетки, однако в конце сороковых — начале пятидесятых годов в окрестностях Ванино его не существовало: с имуществом и людьми рыбколхоз перебрался на Сахалин. Бухты, в которых располагались его тони, как и прибрежные территории, заняла военно-морская база, откуда в августе 1945-го отправились на освобождение Южного Сахалина от японцев десантные корабли. Заветы Ильича — теперешнее название поселка военных моряков в Советско-Гаванском районе — от того, переехавшего, колхоза. Хотя и сам поселок, застроенный в основном пятиэтажками, совгаванцы и ванинцы до сих пор в обиходе называют колхозом.

Рыбозавод был в Датте — населенном пункте в тридцати километрах с лишним от Ванино. «Датта» с переводе с орочского, языка коренных жителей здешних мест, означает устье. С середины XIX века в местах, где река Тумнин впадает в Татарский пролив, селились люди, вначале орочи, потом русские. Хотя краеведы предполагают, что в 1787 году в устье Тумнина останавливался французский мореплаватель Жан-Франсуа де Лаперуз, открывший залив Де-Кастри. В первой трети ушедшего века в Датте неоднократно бывал исследователь Дальнего Востока Владимир Клавдиевич Арсеньев. В пору коллективизации и индустриализации Датта стала центром рыбопереработки. На здешний рыбозавод сдавали улов рыбколхозы из Уськи-Орочской, Дюанки, других селений.

Сегодня до Датты из райцентра по асфальту на автобусе полчаса хода. В конце сороковых — начале пятидесятых добирались по незавидной грунтовке, которая была проложена при строительстве железной дороги. Другой вариант — поездом до станции Ландыши, откуда шесть километров до Датты. Почему не пройтись пешочком по свежему воздуху?

«*Здравствуй, моя милая, дорогая Валюша!*

Пять дней тому назад получил твою и от мамы посылки и все эти дни объедаюсь. Лук, конечно, сгнил, и пошел неприятный запах, который передался на конфеты, но все они, несмотря на запах, пошли в брюхо сполна...

По моим расчетам, мне осталось максимум 3–3,5 месяца, но это мои расчеты, а как будет в действительности — еще загадка. Но уверенность и надежда не покидают меня, а, наоборот, мобилизуют на подготовку к отъезду...

Пишу это письмо тебе, а на душе лежат жуткая печаль и тоска, ты, наверное, уже находишься в дорогом тебе окружении мамы и Бориса, а я вот уже 1,5 года совершенно одинок. Дорогая Валюша, пиши мне, как твое самочувствие... и вообще все до мелочей, для меня все интересно и желательно знать. Сейчас на дворе идет мелкий дождь, и каждая его капля действует, как укол иглы в мое тело. Все ужасно надоело, и не знаю, что бы я делал, если бы не было большой и хорошей надежды на будущее и тебя...

Дорогая моя, милая, золотая женушка! Прошу еще раз тебя, пиши мне больше писем, пиши, что взбредет в голову, для меня будет все интересно. А особенно прошу написать мне письмо о наших стариках и Борисе, ибо вот уже более трех месяцев я не получаю от них писем... Пиши, как Борис окончил 5-й класс, какие

имеет оценки и как себя ведет последнее время. Пиши, дорогая Валюша, с кем имеешь переписку и что пишут нового все наши знакомые.

С тем до свидания, моя дорогая надежда, мое счастье и будущее. Целую мою дорогую Валюшу много-много раз.

Твой. 17/VI-51 г.»

Александр Иванович почти в каждом письме отмечает, что работает на рыбозаводе, однако ни разу не сообщает, что рыбозавод не в Ванино, а в Датте, где нет лагерных бараков и колючей проволоки, воров в законе и охранников с собаками. Хоть рыбозавод считался промышленным предприятием, окружал его сельский пейзаж — деревянные домишки с огородами и постройками для скотины, лодки на Тумнине, босоногая ребятня. В общем-то, идиллия по сравнению с ванинской пересылкой. Но уведомлять об этом родных — значит, обрекать себя на новые беды, ведь переписка осужденных контролировалась цензорами.

Вероятно, еще одно обстоятельство не позволяло Александру Ивановичу упоминать о работе и жизни в Датте. Рыбозавод не входил в систему «Дальстроя», которая включала Ванинский порт, строящий в Советской Гавани судостроительный завод, множество лесозаготовительных, сельскохозяйственных и прочих производств. Лагерное начальство определяло зэков в неподведомственные «Дальстрою» организации по собственному усмотрению, но это было исключением из правил. Как и то, что Маринеско не отправили в Магадан с другими осужденными из Ленинграда.

Получается, что ему везло дважды: когда оставили в Ванино в рабочей зоне и когда директор рыбозавода добился его перевода в Датту. В переписке с женой Александр Иванович вспоминает Бога: в прошлом командир краснознаменной подводной лодки, видимо, понимал, что без покровительства всевышнего он вряд бы выжил на этапе и в зоне.

«ОСВОБОЖДАЮСЬ В ОКТЯБРЕ»

«*Здравствуйте, дорогие Валюша и Борис!*

Сегодня, т. е. 28 июня, получил твое письмо от 7/VI и, конечно, как всегда, был очень рад...

Дорогая Валюша, я так же, как и ты, многого жду от нашей будущей жизни и хочу все взять от нее только хорошее. И поэтому у меня в голове сложилось такое мнение, что вся жизнь зависит только от нас самих, от нашего отношения друг к другу и к людям. Я советую тебе помнить и не забывать о том, что каждый человек, если он хочет в полном смысле заслужить это звание (человек), всегда должен прислушиваться к голосу себе подобных и помнить, что в каждом разговоре-суждении — пусть даже сплетне — есть доля правды. А если самому подойти к этому вопросу объективно и взвесить все, то в каждом разговоре или мнении общества, даже плохого, есть правды — 50 %...

Очень жаль мне, что тебе приходится ездить и жить в лесу да еще на севере, в этом есть и доля моей вины... В предыдущих двух письмах я писал, что освобождаюсь в октябре, но возможно, что и раньше на месяц...

Очень жаль, что Борис имеет «троечки», если он будет продолжать учиться без усердия, то можно в дальнейшем ожидать и двоечек. Но ничего, я скоро приеду и постараюсь ему помочь в учебе, конечно, как смогу. Жду от него писем...

Жизнь моя проходит по-старому. У нас почти ежедневно дождь и грязи по уши. Получил от стариков письмо, из него узнал, что Борис уехал к тебе. Отец молодеет душой с каждым днем: восхищается стройками коммунизма и много нового написал о нашем Ленинграде. С тем — до свидания, дорогие мои две детки (правда, Бориса уже нельзя назвать деткой, а нужно называть Мужчиной).

Целую вас».

Когда Маринеско отбывал в Ванино срок, ему не исполнилось и сорока лет. В посланиях жене Александр Иванович предстает умудренным человеком, который озабочен не только собственным освобождением и нуждами родных. Его переписка напоминает дневник писателя, где много размышлений о смысле жизни, нравственных вызовах. Не верится в утверждения высокопоставленных чинов военно-морского флота, считавших Маринеско недоучкой, разгильдяем, пьяницей.

Он пришел на флот после шестого класса, начинал с ученика матроса, окончил мореходный техникум, причем без отрыва от производства. По комсомольской путевке был направлен в РККФ — Рабоче-крестьянский Красный Флот. Продвижение по службе складывалось стремительно, под его командованием подводная лодка М-96 в 1940 году была признана лучшей на Балтике, а сам он отмечен золотыми часами и досрочным присвоением воинского звания. А ведь тогда Александр Иванович не вышел из комсомольского возраста…

«*Здравствуй, дорогая и милая Валюша!*

Получил сегодня письмо от 19/VII и опять не знаю, когда ты будешь в Ленинграде. Ранее ты писала, что пойдешь в отпуск в октябре, а сейчас пишешь — в сентябре. Не уверен также в твоем адресе и в том, дойдет ли это письмо к тебе...

Мое положение старое, и я должен по всем моим расчетам быть в Ленинграде не позже 5 октября. Вот почему я интересуюсь твоим пребыванием в Питере...

Погоды стоят «у нас» на ДВК жаркие, с редкими непродолжительными дождями, но все это — и погоды, и окружающее — совершенно не занимает, нам уже только одно: скорей, скорей!

Писать письма тебе не рекомендую, ибо я их не получу, а в день отъезда сообщу радиограммой в Ленинград, а там, если ты будешь дома, — хорошо, а если не будешь — пусть сообщат тебе старики...

С тем до свидания, мои дорогие детки Валюнчик и Борик! Целую вас много-много раз и жду с нетерпением встречи за нашим семейным столом.

14/VIII-51 г.».

После освобождения началась жизнь, которая в Ванино представлялась замечательной. В действительности она была безмерно трудной, как у большинства советских людей, для которых с завершением войны не закончилась нужда. Два года Александр Иванович работал топографом в Онежско-Ладожской экспедиции, чтобы не разлучаться с женой Валентиной Ивановной Громовой, которая трудилась там же. В 1953 году он вернулся в Ленинград, устроился на завод «Мезон», выпускавший радиодетали, где был назначен в отдел снабжения начальником группы. Похоже, зарплата у него была не начальничья… Вот как выглядел он тогда: пиджак на локтях в заплатах, единственная рубашка, у которой от стирок воротник утратил прочность и поддерживался галстуком. Чистый, опрятный, но

поразительно бедный человек. Но когда на встрече подводников Балтийского флота была произнесена его фамилия, зал взорвался аплодисментами.

Тринадцать лодок серии «С» воевало на Балтике — уцелела одна, которой командовал Маринеско. Он поступал вопреки неписаным законам подводного флота: атаковал от вражеского берега, уходил от погони к месту потопления транспорта противника. Его «эска» шла туда, где ее не ждали. Из нелогичности поступков командира складывался успех экипажа.

«Учитывая исключительные заслуги А. И. Маринеско перед нашей Родиной, убедительно просим и ходатайствуем о назначении Маринеско персональной пенсии. Нельзя признать справедливым, что столь заслуженный командир-подводник оказался в пенсионном обеспечении в неизмеримо худшем положении, чем офицеры, не участвовавшие в войне», — говорилось в обращении в ЦК КПСС, которое подписали около двухсот офицеров.

На письмо пришел отказ. Александр Иванович лежал в больнице: у него обнаружили рак горла и пищевода. Последним его видел бывший механик дивизиона подводных лодок Михаил Вайнштейн.

Флотский друг обратил внимание на трубку, которая шла из желудка. Подошло время обеда, жена вставила воронку и стала наливать что-то жидкое. Поскольку врачи не возражали, Вайнштейн предложил выпить по рюмке коньяка. «Только чокаться не будем», — сказал Маринеско и вылил коньяк в воронку.

Он умер двадцать пятого ноября 1963 года в возрасте пятидесяти лет.

В 1990 году, когда отмечалось сорокапятилетие Победы, Александру Ивановичу Маринеско было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).